

Сюрприз на сцене Ковент-Гардена

На оперной сцене появился тенор, который со временем - и очень недолгим - способен затмить славу Паваротти, Доминго и Каррераса. Таково, во всяком случае, мнение британских критиков, которые - и это почти беспрецедентно - пришли в единодушный восторг от Роберто Аланьи, спевшего в Королевском оперном театре, в лондонском Ковент-Гардене Ромео в опере Шарля Гуно "Ромео и Джульетта".

Совсем молодой - ему только недавно исполнилось тридцать, Аланья буквально ворвался в оперный мир, в котором теноров такого класса и таких достоинств, как у "великой троицы", буквально наперечет.

Вообще-то он не новичок: в Англии дебютировал еще шесть лет назад, партией Альфреда в "Травиате", и с тех пор пел во многих театрах. И все же его дебют в "Ромео", который, кстати, Королевская опера ставит впервые за последние шестьдесят с лишним лет, - подлинный сюрприз. Сюрприз удивительного наслаждения.

Впечатление такое, что только сейчас и наступило прозрение и у критиков, и у рядовых любителей оперной музыки, и что все предыдущие годы были словно подготовкой к этому моменту безусловного триумфа.

Когда после премьеры "Ромео" я бросился, подобно многим, искать диски и карсеты с записями Аланьи, к удивлению своему обнаружил, что продюсеры мировой музыкальной индустрии, получается, даже и не знали о его существовании: всего два диска фигурируют в каталогах.

Вряд ли кто усомнится, что отныне будет по-другому. Голос удивительной красоты, которая тем более филигранна потому, что исполнительская техника Аланьи безукоризненна, просто требует того, чтобы записан он был и растиражирован так же широко, как голоса Доминго, Паваротти и Каррераса.

Незадолго до триумфа шекспировской трагедии сам певец пережил жесточайшую трагедию личную: от страшной болезни скончалась его жена, такая же молодая, как и сам он, оставив ему маленькую дочь и круговорот забот, которые он прежде мог делить с ней, но которые теперь безжалостно вгрызаются в его творчество.

"Любой человек в такой ситуации, - заметила лондонская "Дейли экспресс", - мог бы быть понят и прощен, если бы сломался, если бы допускал просчет за просчетом. И не может не вызывать восхищения то, что Аланья даже в горе своем был велик и триумфален на сцене".

Полагаю, что будь то не опера Гуно и не партия Ромео, Аланье пришлось бы еще ждать своего триумфа. Но удивительная музыка, которая особенно романтична, мягка и безоблачно выписана в ариях героя Аланьи, даже в тех, что, по идее, должны быть наполнены мрачнейшим трагизмом, словно создана была именно для голоса сицилийца и для необыкновенного его таланта драматического актера.

Аланья затмит великую троицу. По меньшей мере, встанет с ними вровень. Совсем скоро...

Александр ШАЛЬНЕВ,
соб. корр. "Известий".
Лондон.